

В. Е. Возгрин считает, что после неудач версальского двора в этой войне у того оставалась лишь надежда привлечь на свою сторону кого-либо из монархов, участвовавших в Северной войне. Теперь французская дипломатия делала ставку и на Петра I, и на Карла XII. Однако сближение России с врагом Франции - Австрией - перед Полтавой шло успешнее, более того, цесарь уже был настолько уверен в предпочтении Петром австрийских интересов французским, что добивался предварительного решения о включении царя в число гарантов будущего мира с Францией. В. Е. Возгрин полагает, что французы из-за этого, потеряв надежду на поддержку России, активизировали в 1708 – 1709 гг. контакты со Швецией (10).

П. П. Черкасов, подчёркивая стремление Петра I к дружбе с Францией, находит, что намерения русского царя в отношении Франции в тот период сводились к стремлению ослабить поддержку Версалем короля Швеции, предложив Людовику XIV сотрудничество с Россией (11).

1. Шутой В. Е. Северная война (1700 – 1721 гг.). М., 1970. С. 83.
2. Глаголева А. П. Русско-турецкие отношения перед Полтавским сражением // Полтавская победа: Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С.26.
3. Крылова Т. К. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны // Исторические записки (далее - ИЗ), М., 1940. Кн. 7. С 115, 119, 122, 130, 144.
4. Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. Б.м., 1950. С.30.
5. Брикнер А. Отношения России и Франции при Петре Великом // Сб. имп. Рус. исторического общества. СПб., 1881. Т.34. С. 264 –300.
6. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 167, 174, 215, 240.
7. Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 40, 46.
8. Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700 – 1709 гг.) // ИЗ. М., 1959. Т. 65. С. 259.
9. Глаголева А. П. Русско-польские отношения накануне Полтавской битвы // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1955. Т. 14. С. 15, 18.
10. Возгрин В. Е. Россия и Европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697 – 1710 гг. Л., 1986. С. 228 – 230.
11. Черкасов П. П. Двуглавый орёл и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке: 1700 – 1775. М., 1995. С 15.

Попов Н.Н., Скипский Г.А.

Развертывание территориальных частей РККА на Урале в 1930-х гг.

На рубеже 1920–1930-х гг. произошло ухудшение международного положения СССР. Одним из источников военной агрессии потенциально направленной против страны стала милитаристская Япония, которая в 1931 г. напала на Китай и начала оккупацию его северо-восточных районов, провинции Маньчжурия, занимавшей приграничное положение с советским Дальним Востоком и Забайкальем. Угроза войны становилась ощутимой. 13 января 1932 г. Комиссия обороны при СНК СССР приняла постановление об укреплении Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии (ОКДВА). Для этого 4 территориальных дивизий развертывались по штатам военного времени и передислоцировались в Приморье и

Забайкалье (1). Одной из них стала 57-я Уральская дивизия, состояние боевой готовности которой 8 лет находилось под пристальным вниманием РВС СССР и Народного комиссариата военных и морских дел.

В течение февраля-марта 1932 г. бойцы и командиры 57-й Уральской дивизии прошли учебные сборы. Части и подразделения дивизии были отмотилизованы и полностью укомплектованы по штатам военного времени. 57-я Уральская дивизия из территориальной была переформирована в кадровую, а затем убыла в распоряжение командующего войсками Забайкальского военного округа (2). При этом часть управления дивизии и постоянного рядового и командного состава 171-го стрелкового полка была оставлена в прежних пунктах постоянной дислокации (3).

Согласно распоряжению РВС СССР, в целях увеличения численности РККА на Урале стали развертываться части 13-го стрелкового корпуса, организационным ядром которых стала часть постоянного состава 57-й стрелковой дивизии.

Армейский стрелковый корпус согласно организационно-штатной структуре РККА в начале 30-х гг. состоял из трех стрелковых дивизий, каждая с приданными ей артиллерийским полком, батальонами разведки, связи, саперов, кавалерийским дивизионом, а с 1932 г. – танкетной ротой. В соответствии с растущими масштабами задач по организации тактической, огневой, инженерной и технической подготовки, расширялся спектр задач, стоявших перед командным составом корпуса. Для организации призыва и приписки переменного состава к частям и подразделениям, увеличению учебно-материальной базы и привлечению для вневойсковой и допризывной подготовки необходимого числа технически грамотных специалистов, способных за кратчайшие сроки обучить личный состав всем необходимым практическим навыкам, требовались дополнительные усилия.

13-й Уральский стрелковый корпус состоял из 65-й, 82-й и 85-й стрелковых дивизий. Они получили для развертывания учебно-материальную базу и часть постоянного рядового и командного состава 57-й дивизии.

При развертывании 13-го корпуса была соблюдена преемственность кадров, особенно постоянного командного состава. Так, в 82-й стрелковой дивизии основой формирования послужил кадр управления 57-й стрелковой дивизии. В штаб дивизии, получившей условное название Пермской, перешли: помощник командира дивизии Г.Ф. Гаврюшенко – на ту же должность, помощник начальника штаба дивизии Шапшес – начальником штаба дивизии, начальник 1-й части Долгов – на ту же должность, а также ряд других командиров, политработников и часть рядового состава. Формирование штатов дивизии было завершено к 1 апреля 1932 г., а сама часть получила название 82-й стрелковой дивизии (4). Приказом РВС СССР от 26 января 1932 г. первым командиром – ко-

миссаром дивизии был назначен М.Л.Медников, начальником политотдела дивизии – К.М. Каменев (5).

Аналогично, но в более ранние сроки, проходило формирование 85-й стрелковой дивизии, получившей условное название «Челябинская». Командиром дивизии был назначен М.П. Карпов. Комплектование постоянного штата соединения происходило на базе 171-го стрелкового полка 57-й Уральской дивизии в течение полугода, с июня 1931 г. по январь 1932 г. Почти весь постоянный состав полка был сохранен, чего не было в 169-м и 170-м стрелковых полках 57-й дивизии (6). В ближайшей перспективе это кадровое решение поставило 85-ю стрелковую дивизию в более выгодное положение по сравнению с 82-й, а особенно с 65-й дивизией. Командный состав последней пришлось формировать практически заново и частично на территории современной Тюменской области, где раньше территориальный принцип комплектования не применялся.

Части и подразделения 65-й дивизии были сформированы в апреле-мае 1931 г. и дислоцировались в аграрных районах юго-востока Уральской обл. (юг современной Тюменской обл.). Основными пунктами постоянной дислокации частей дивизии были гг. Тюмень (193-й стрелковый полк, штаб 65-й дивизии, батальоны связи, саперов, зенитно-пулеметная рота), Камышлов (194-й стрелковый полк), Ишим (195-й стрелковый полк) и Алапаевск (65-й арtpолк). Дивизия получила условное название «Тюменская» (7).

Части 65-й дивизии были сформированы на основе крестьянского призывного контингента, который являлся преобладающим в юго-восточных районах Уральской области. В районах дислокации частей соединения не велось крупного индустриального строительства, поэтому удельный вес промышленных рабочих в переменном составе был очень низким. Распыленность призывного контингента значительно осложняла проведение дивизионных лагерных сборов. Кроме того, личному составу дивизии пришлось практически заново создавать учебно-материальную базу, в то время как 82-я и 85-я дивизии унаследовали учебные центры, полигоны и казармы от 57-й Уральской дивизии. Все это сказывалось на уровне мобилизационной готовности дивизии, что прослеживается в сводной ведомости результатов осеннего смотра Уральского стрелкового корпуса в 1932 г. (8). Почти по всем показателям 65-я Тюменская дивизия занимала последние места, и только по подготовке снайперов – первое место (9). И это не удивительно, потому что многие крестьяне Тюменского региона традиционно занимались промыслом пушного зверя, что требовало больших навыков в стрелковой подготовке.

Формирование 85-й стрелковой дивизии началось в июне 1931 г. Районами ее комплектования стали Башкирская АССР и южная часть Уральской обл., которая с февраля 1934 г. была преобразована в Челябинскую обл. Формирование дивизии было закончено к январю 1932 г., она получила на-

именование «Челябинской». Части дивизии дислоцировались в гг. Челябинск, Златоуст, Шадринск и Курган (10). Части были рассредоточены около крупных узлов Транссибирской железнодорожной магистрали, что позволяло достаточно быстро сосредоточить их для проведения полевых сборов.

Челябинск и Златоуст находятся в горнозаводских районах Урала, поэтому в 253-м стрелковом полку (Челябинск) и в 85-м арtpолку (Златоуст) в переменном составе преобладали рабочие и здесь же были расположены все подразделения технических родов войск (танкетная рота, батальоны саперов и связи). В Шадринске и Кургане были дислоцированы 254-й и 255-й стрелковые полки. В них преобладал крестьянский контингент, поскольку указанные города находились в аграрной периферии Урала. Неравномерное распределение призывного контингента осложняло проведение одновременного призыва и сборов переменного состава для проведения полевых учений в масштабах всей дивизии, в силу распыленности крестьянского контингента на достаточно большой территории.

Части 82-й Пермской дивизии были расположены в гг. Пермь (244-й стрелковый полк, 82-й арtpолк), Свердловск (245-й стрелковый полк), Кунгур (246 стрелковый полк). Согласно директиве штаба 13-го стрелкового корпуса от 3 марта 1932 г. были определены следующие районы комплектования 82-й дивизии: города Пермь, Кунгур, Свердловск, а также районы Уральской области: Верещагинский, Оханский, Сивинский, Сосновский, Добрянский, Пермско-Ильинский, Нытвенский, Сергинский, Чермозский, Чусовской, Верх-Городской, Лысьвенский, Березниковский, Кунгурский, Кишертский, Дудинский, Шалинский, Манчажский и Щучье-Озерский (11).

В связи с необходимостью создания новых формирований, где большая роль отводилась техническим родам войск, и введением нового штата на 1 декабря 1936 г., для 82-й стрелковой дивизии были добавлены следующие районы комплектования: Осинский, Ординский, Никулинский, Александровский, Городищенский, Березовский, Красноуфимский, Какуровский, Нижне-Сергинский, Шайтанский и Уткинский районы Свердловской области (12). Из этого следует, что дислокация частей и подразделений 82-й стрелковой дивизии стала более компактной, с повышенным удельным весом призывников из горнозаводских районов и концентрацией частей вдоль железнодорожного направления Пермь – Кунгур – Свердловск. Произошло приближение районов комплектования к основным транспортным артериям. В переменном составе увеличился удельный вес промышленных рабочих, проживавших в компактно расположенных рабочих поселках и городах. Это сокращало время на проведение очередного призыва и организацию лагерных сборов, следовательно, дивизия повысила свою мобилизационную готовность.

Во время проведения лагерных сборов дивизия сосредотачивалась в один лагерь под наименованием «Бершетский», расположенный в 5 км от

разъезда № 52 (Юг) Пермской железной дороги (13). Это место было выбрано для того, чтобы обеспечить бесперебойное и упорядоченное прибытие всех частей и подразделений дивизии по железной дороге, с небольшим интервалом времени. Основная задача заключалась в максимальной экономии времени, отведенном на сбор. Таким образом, размещение частей 13-го Уральского стрелкового корпуса во многом воспроизводило дислокацию 57-й Уральской дивизии. При этом части 82-й и 85-й дивизий имели много общих проблем с 65-й дивизией по организации призыва, так как крестьянский контингент преобладал во всех соединениях 13-го стрелкового корпуса, но его удельный вес в 65-й дивизии был самым высоким по сравнению с 82-й и 85-й дивизиями.

При развертывании соединений и частей 13-го Уральского стрелкового корпуса в 1932 г. командному составу, направлявшемуся туда для прохождения службы, уделялось немало внимания, поскольку от качества его подготовки и профессионализма зависела степень боеспособности тердивизий. Задачи еще более усложнялись не только потому, что увеличилось количество призывников переменного состава, обязанных пройти курсы вневойсковой и полевой подготовки, но и тем, что в штатной структуре стрелкового корпуса увеличилось количество частей и подразделений технических родов войск.

В 1932–1933 гг. части 13-го стрелкового корпуса выдержали ряд инспекторских проверок со стороны РВС Приволжского военного округа, который особое внимание уделял степени подготовленности командного состава по тактике, инженерному делу, огневой подготовке. Согласно сводной ведомости результатов осеннего смотра Уральского стрелкового корпуса за 1932 г., командный состав, сдававший зачет по огневой подготовке, показал следующие результаты: нормативы по стрельбе из револьвера выполнили в Челябинской стрелковой дивизии 93,7%, в Пермской дивизии – 92,4%, в Тюменской дивизии – 90,4%, с общей оценкой стрельбы во всех дивизиях «удовлетворительно» (14).

Командный состав 85-й стрелковой дивизии неизменно занимал первые места. Это объясняется тем, что многие командиры перешли в штат дивизии из кадра 171-го стрелкового полка 57-й дивизии, считавшейся одной из лучших в Приволжском военном округе. Комсостав 82-й и особенно 65-й дивизий только что сформировался, что не замедлило сказаться в худшую сторону на результатах осеннего смотра 1932 г. Вместе с тем, результаты зачета по огневой подготовке показали незначительную разницу в подготовке между комсоставом частей 13-го стрелкового корпуса, что свидетельствует о среднем уровне подготовки не только переменного комсостава, но и кадровых командиров. В целом по результатам инспекторской проверки частей 13-го стрелкового корпуса весной 1933 г. старший и высший комсостав 82-й Пермской стрелковой дивизии занял

1-е место и был отмечен приказом командующего войсками Приволжского военного округа (15).

К середине 30-х гг. проблема с укомплектованностью постоянным командным составом в частях РККА вновь стала обостряться. Это было связано с тем, что многие командиры среднего, а особенно старшего звена имели большую выслугу лет, а некоторые достигли предельного возраста. В ходе инспекции 82-й стрелковой дивизии в 1934 г. был выявлен довольно значительный некомплект командного состава – 80 человек. Из дивизии выбыло значительное количество комсостава с большим командным стажем и прибыло 40% «молодняка» (со стажем в должности менее 1 года – 147 человек) (16). Кадровая преемственность постепенно утрачивала силу, но более важным было то, что из строя выбывали командиры, которые имели хоть и устаревший, но все же боевой опыт участников Первой мировой и Гражданской войн. Они психологически были более подготовлены по сравнению с молодежью, не прошедшей боевых испытаний. Несмотря на некомплект комсостава, инспекторская проверка РВС Приволжского военного округа отметила во всех стрелковых и артиллерийском полку дивизии хорошую подготовку штабов (17). Но это была заслуга в основном командного состава старшего звена, имевшего большой практический опыт.

Тенденция к омоложению командных кадров была вполне объективной, поскольку при развертывании 13-го Уральского стрелкового корпуса наибольшая потребность возникла в командирах взводов и рот, средний возраст которых был ниже 30 лет. Таким образом, между младшим и средним комсоставом, с одной стороны, старшим и высшим, с другой, возникла кадровая брешь, заполнявшаяся молодежью. Обострился извечный конфликт поколений, который к концу 30-х гг. перерос в кризис системы комплектования командных кадров. Он подготавливался еще и тем, что высший и старший комсостав в течение всех 30-х гг. долго не задерживался на занимаемых должностях, что сказывалось на преемственности кадров и отрицательно влияло на качество боевой подготовки и состояние воинской дисциплины.

Территориальные дивизии продолжали играть роль учебных центров по подготовке командиров запаса, а также для постоянной службы в РККА. При этом удовлетворялись и собственные потребности в постоянном командном составе. Так, за 1935 г. 82-я стрелковая дивизия получила пополнение из школ младшего сверхсрочного командного состава 50 лейтенантов (18). Это примерно четвертая часть от необходимого числа командиров взводов для дивизии. Параллельно проходила переподготовка командиров запаса, которые в дальнейшем пополняли штаты переменного командного состава. За 1936 г. переподготовку прошли 671 командир запаса (19). Таким образом, соединение восполняло лишь количественный недостаток в собственных командных кадрах, в то время как ка-

качественные показатели комсостава 82-й дивизии были значительно хуже. Их более объективно позволяют оценить материалы отчета, составленные комбригом Тихомировым и инспекторами РККА полковниками Петровым и Свечиным, прибывшими по поручению Наркома обороны в части Уральского военного округа для проверки их боевой готовности. В период с 5 по 10 сентября 1936 г. комиссия работала в 65-й стрелковой дивизии 13 Уральского стрелкового корпуса (20). Следует отметить, что эта дивизия не была на особом счету у командования корпуса и округа за все время своего существования. Начальник 1-го отдела Управления по боевой подготовке РККА комбриг Тихомиров, при квалифицированной помощи преподавателей академии Генерального штаба РККА полковников Свечина и Петрова, выявил большое количество недостатков, в том числе в системе подготовки школы младшего сверхсрочного комсостава по подготовке в лейтенанты (21).

В 1936 г. в 65-й стрелковой Тюменской дивизии в школе проходили подготовку 29 человек, из них 19 в пехотном отделении, и 10 в артиллерийском отделении. Несмотря на то, что занятия проводились по программе обычных военных училищ, где сроки обучения составляли три года, в дивизии срок обучения был сокращен до 8-10 месяцев, что было абсолютно нереально для обучения сверхсрочников, большинство из которых имели образование менее 7 классов средней школы (22). Сроки обучения были сокращены распоряжением начальника штаба дивизии, потому что многие преподаватели школы лейтенантов являлись строевыми командирами, не освобожденными от исполнения своих прямых служебных обязанностей. Это часто приводило к срывам занятий даже по сокращенной программе обучения (23).

Комиссия рекомендовала для подготовки лейтенантов создать более основательную материальную базу, обеспечить преподавательскому составу соответствующую квалификацию, что было можно выполнить только при использовании возможностей всего Уральского военного округа (24).

Выводы опытных военных специалистов были ориентированы на качественный подход в деле формирования комсостава РККА, но многие из этих рекомендаций в дальнейшем не выполнялись, поскольку главными показателями в отчетах командиров и начальников штабов оставались количественные, насущно необходимые для укомплектования быстро растущих частей и подразделений собственным комсоставом. Невысокий образовательный уровень командиров РККА пагубно сказался на боеспособности армии в целом, поскольку традиции выдвижения командиров из числа рядовых красноармейцев предполагали в первую очередь их морально-политические качества в ущерб военному профессионализму. Проблема низкой подготовленности командного состава, особенно командиров запаса, на которую указывал М.В. Фрунзе в середине 20-х гг. (25), не была решена и в середине 30-х гг.

Командование Приволжского военного округа прекрасно понимало, что проверка частей 13-го Уральского стрелкового корпуса по боевой подготовке не имеет смысла в условиях, когда части корпуса только завершили свое развертывание. Поэтому первый инспекторский смотр частей корпуса был поручен его первому командиру, комкору В.М.Примакову и его помощнику Плау. В частности, инспекция частей 82-й стрелковой дивизии ограничивалась контролем состояния командного состава части и его готовности к началу учений. Основное внимание уделялось эффективности работы штаба дивизии, в то время как рядовой постоянный и переменный состав проверке не подвергался. Но в итоговом акте инспекционной проверки была оценена деятельность всей дивизии в целом, причем как хорошая, что было отмечено в приказе командующего Приволжским военным округом 14 января 1933 г. (26).

Сомнение в объективности оценки состояния боеготовности 82-й стрелковой дивизии вызывает тот факт, что спустя всего две недели был проведен инспекторский смотр частей дивизии новым командиром Уральского стрелкового корпуса комкором С.М. Урицким. Он также отметил хорошее состояние боевой подготовки частей дивизии, о чем говорилось в приказе командующего Приволжского военного округа от 1 февраля 1933 г. (27). Две инспекторских проверки за один месяц, спустя почти год после начала формирования корпуса свидетельствовали лишь о формальной передаче должности командира 13-го Уральского стрелкового корпуса от В.М. Примакова к С.П. Урицкому, поскольку провести обстоятельный смотр частей корпуса дважды, в течение одного месяца, было практически невозможно. А это означало, что все недостатки в оценке боеспособности частей корпуса были сознательно скрыты, хотя и командование корпуса, и командование Приволжского военного округа были о них хорошо осведомлены. Спустя всего пять месяцев, в июне 1933 г., при проверке хода боевой подготовки той же 82-й стрелковой дивизии командующий войсками Приволжского военного округа комкор Н.Ф. Федько и член РВС СССР П.А.Смирнов обнаружили недостатки в строевой и физической подготовке, а также в методике стрелковой подготовки, о чем было сказано в приказе командующего Приволжским военным округом от 24 июня 1933 г. (28). Это свидетельствовало, что в начале 1933 г. инспекторские проверки частей корпуса были проведены поверхностно, при попустительстве со стороны командования округа. Когда же в комиссии принял участие не только командующий округом, но и более высокопоставленное должностное лицо – член РВС СССР, то оценка состояния частей корпуса сразу стала более объективной. Хотя следует сказать о том, что любая инспекционная комиссия, приезжавшая из Москвы в воинские части округа, всегда пользовалась случаем, чтобы указать на существующие недостатки, даже если они были незначительными. Это было отражением процесса бюрократизации управления РККА, что воз-

рождало к жизни такие явления, как формализм, приписки, а самое главное, стремление к подаче информации, заранее отфильтрованной от недостатков, с целью обезопасить себя перед вышестоящим командованием и избежать возможных репрессий.

Даже в середине 30-х гг., когда формирование корпуса было завершено, продолжал ощущаться недостаток снабжения личного состава продовольствием по линии закрепленных военных колхозов (ЗВК), а также учебными пособиями, приборами и подготовленными полигонами (29). Командный состав терчастей был вынужден в таких условиях при проведении тактических полевых учений допускать большое количество условностей и сокращать количество подразделений, привлекаемых к практическим полевым занятиям (30). Так произошло в ходе проверки боевой подготовки в частях 65-й стрелковой дивизии, когда занятия проводились командирами полков, но в масштабе только отдельного батальона (31). Это свидетельствовало о том, что за несколько лет существования вновь созданных частей РККА в Приволжском военном округе уровень боевой готовности в них практически не изменился. В середине 30-х гг., так же, как и в начале 30-х гг., командный состав терчастей сталкивался с похожими проблемами, что ставило под сомнение дальнейшую перспективу территориального строительства РККА.

Отдельные эксперименты велись в направлении технического перевооружения и перевооружения территориальных частей РККА на Урале. При этом личный состав вновь формируемых подразделений технических родов войск стал в своей основе комплектоваться из красноармейцев и командиров, проходивших службу в постоянном составе. В 1933 г. рота разведки 85-й стрелковой дивизии, подразделение, изначально укомплектованное сверхсрочниками, была переформирована в отдельный танкетный батальон (32). Условия в Челябинске, где дислоцировались части 85-й дивизии были более благоприятными, так как техническое обслуживание и материальную базу обеспечивал недавно построенный Челябинский тракторный завод, рабочие которого проходили службу в частях дивизии, а наиболее подготовленные из них переходили на сверхсрочную службу в танкетном батальоне (33).

В частях Пермской 82-й стрелковой дивизии создание механизированных подразделений произошло несколько позже, но при этом охватило несколько родов войск. В начале 1935 г. было сформировано авиазвено и отдельная зенитно-пулеметная рота (34), что положило начало боевому «слаживанию» частей дивизии при поддержке с воздуха и появлением подразделения ПВО.

В 1936 г., согласно введенным новым штатам и полевому уставу РККА, в период с февраля по октябрь был сформирован отдельный разведывательный дивизион (ОРД), причем основой для формирования по-

служил постоянный состав танкетной роты и кавалерийского эскадрона (35) – самых боеспособных подразделений 82-й стрелковой дивизии.

Конечно, если бы 82-я дивизия подвергалась ежемесячной проверке со стороны командования округом, вполне вероятно, что соединение стало бы образцовым, но следует учесть, что тогда пришлось бы держать переменный состав в течение года и более на казарменном положении, что фактически превращало территориальные части в кадровые.

Территориальные части РККА на Урале, несмотря на большой объем проделанной работы, не смогли превысить уровень боеготовности, достигнутый ими в 20-е гг. По-прежнему акцент делался на достижение количественных показателей, подход к которым оставался самодовлеющим, что ставило предел росту реальной боеспособности терчастей. Они все больше отставали от кадровых частей РККА по уровню огневой мощи, технической оснащенности и воинского профессионализма личного состава.

С начала 1939 г. терчасти РККА на Урале стали переводиться на кадровый принцип комплектования и вновь, как и в начале 30-х гг., стали передислоцироваться в Забайкальский военный округ для того, чтобы принять участие в боевых действиях против японских войск на р. Халхин-Гол. В ходе этих сражений выяснилось, что тактическая и психологическая готовность территориальных частей оказалась не на высоте. С 1940 г. бывшие территориальные части РККА Уральского военного округа стали передислоцироваться в западные военные округа СССР. Уральский военный округ в геополитическом положении был тыловым, что позволяло беспрепятственно наладить формирование стратегических резервов и превратило его в кузницу кадров для армии.

1. История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1973. Т. 1. С. 110.

2. РГВА Ф. 34912. Оп. 1. Д. 15. Л. 43.

3. Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 1об.

4. Там же.

5. Там же. Л. 2.

6. Там же. Ф. 36568. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

7. Там же. Ф. 7441. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

8. Там же.

9. Там же. Ф. 34912. Оп. 4. Д. 10. Л. 30.

10. Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 1-4.

11. Там же.

12. Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 1 об.

13. Там же. Л. 5.

14. Там же. Л. 2.

15. Там же. Л. 5.

16. Там же. Л. 5 об.

17. Там же. Л. 30.

18. Там же. Л. 4 об.

19. Там же. Л. 27.

20. Там же. Ф. 7441. Оп. 1. Д. 9 Л. 1.

21. Там же. Л. 3.

22. Там же.
23. Там же. Л. 1.
24. Там же. Л. 3.
25. Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1984. С. 423.
26. РГВА Ф. 34912. Оп. 4. Д. 10. Л. 4.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же. Л. 4 об.
30. Там же. Л. 27.
31. Красный артиллерист. 1933. 16 марта.
32. РГВА Ф. 7441. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
33. Там же. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 48. Л. 10.
34. Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 2.
35. Там же. Л. 5, 6.

Прищепа А.И.
О периодизации диссидентского движения в СССР

В исторической литературе по вопросу о временных рамках инакомыслия и диссидентской деятельности единого мнения нет. В последнее время предпринимаются попытки исследовать инакомыслие как оппозицию тоталитарной власти и социальный протест на всю «советскую историю», начиная с 1917 г. (1). Подчеркивая преемственность инакомыслия и демократического движения на различных этапах развития советского государства исследователи особое внимание уделяют возникновению диссидентства как явления, аккумулировавшего в себе все наиболее радикальные проявления инакомыслия. Его возникновение, ассоциируемое с правозащитным движением, обычно датируют 1965 г. – первыми выступлениями в защиту арестованных писателей А. Синявского и Ю. Даниэля (2). Существуют и иные оценки: 1964 г. – дело И. Бродского; 1968 г. – первые сравнительно массовые петиционные кампании, начало выхода «Хроники текущих событий», «Пражская весна». Последней точки зрения придерживался А. Амальрик, подчеркивая политический характер диссидентского движения (3). Некоторые историки определяют 1969 – 1970 гг. в качестве начальной точки, аргументируя тем, что тогда возникли первые правозащитные организации. Исследователи А. Рогинский, В. Долинин, Л. Лурье, наоборот, явно или неявно, передвигают нижнюю границу диссидентства к 1956 г., Л. Богораз и А. Даниэль относят ее ко второй половине 40-х гг. (4).

На наш взгляд, точка зрения Л. Богораз и А. Даниэля является наиболее оптимальной. Во-первых, потому, что она освобождена от наследия традиционной периодизации советской истории, в соответствии с которой главный импульс либеральных перемен в СССР отождествлялся с XX съездом КПСС. Но это не главное. Основное достоинство такой позиции состоит в том, что она позволяет связать истоки инакомыслия и диссидентства в СССР с глубокими нравственно-политическими измене-